

ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

УДК 316.77

Научная статья

Евдокимова Елена Петровна✉

научный сотрудник сектора социоурбанистики Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14;
e-mail: ee34@yandex.ru

ЗАНЯТОСТЬ В КРУПНОМ ГОРОДЕ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация

Трудовая деятельность рассматривается как часть повседневной жизни населения крупного города, протекающей в многомерном городском социальном пространстве. Проводится ретроспективный анализ и реинтерпретация развития сферы занятости в Санкт-Петербурге в позднесоветский и постсоветский период в социокультурных координатах повседневности. Медиадискурсы и практики регулирования локального рынка труда рассматриваются с точки зрения их влияния на социоструктурные и социокультурные параметры жизнедеятельности городского населения. Хронический дисбаланс структуры рабочих мест и запросов работников проявляется в Петербурге в остром дефиците квалифицированных промышленных рабочих. Важным фактором этого дефицита признается низкий престиж рабочих профессий в

многофункциональном мегаполисе, препятствующий выбору молодыми горожанами таких профессиональных траекторий. Необходимость повышения этого престижа оказывается лейтмотивом властного дискурса вне зависимости от политических и идеологических трансформаций в городе, стране и мире. Особую актуальность этой проблеме придает глобальная тенденция реиндустриализации, связанная с переформатированием мировой системы разделения труда. При этом перспектива ее решения зависит от эффективности использования имеющихся ресурсов (как материальных, так и символических) на уровне конкретного города.

Ключевые слова: городская повседневность, городской образ жизни, социокультурные координаты, медиадискурс, занятость, символическая борьба.

Для цитирования: Евдокимова Е. П. Занятость в крупном городе: дискурсы и практики регулирования. 2025. № 4. С. 34—49.
DOI: 10.35211/19943520_2025_4_34

Введение

Повседневная жизнь населения в эпоху перемен содержит в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, перемены вторгаются в повседневность, ломая привычные рутинные практики, вынуждая людей рефлексировать по этому поводу. С другой же, новые практики в свою очередь рутинизируются, встраиваясь в поток повседневности, становясь привычными. Для исследователя такая ситуация предоставляет благоприятную возможность увидеть обычно латентные механизмы организации общественной жизни. Такую возможность важно не упустить.

Правда, для многих сегодняшних возрастных социологов эта возможность уже вторая, после «интересного времени» конца 80-х и 90-х годов прошлого века. И это побуждает к сравнениям, попыткам учесть прошлый опыт для понимания сегодняшней ситуации.

Одним из следствий того опыта можно считать важность обращения к сфере занятости при анализе повседневной жизни горожан, поскольку именно изменения в этой сфере наиболее существенно сказываются на социальном статусе человека (во всяком случае, в городе это так), и тем самым детерминируют остальные сферы его жизни.

Таким образом, **целью статьи** является ретроспективный анализ иreinterpretация развития сферы занятости в Санкт-Петербурге в позднесоветский и постсоветский период в социокультурных координатах повседневности.

Труд и занятость в структуре городской повседневности и городского образа жизни

Труд занимает весомое место в повседневной жизни горожан — почти треть взрослой активной жизни жители заняты трудом. Однако при исследовании повседневной жизни горожан трудовой сфере уделяется значительно меньше внимания. Во многом этому способствует факт разделения труда и остальной жизни во времени и пространстве, являющийся одним из ключевых признаков городского труда, фундаментальным различием между городом и деревней. Исследования повседневных трудовых практик, выполненные с использованием феноменологических, этнографических подходов,

ограничиваются местом труда, не выходя за его пределы (Пушкирова, 2020), а изучение повседневности затрагивает разные области жизнедеятельности горожан, обходя трудовую сферу (Янин, 2024). Такое дисциплинарное разграничение, будучи вполне оправданным как достаточно очевидными границами этой сферы деятельности, так и спецификой ее организации, тем не менее вступает в противоречие с пониманием повседневности как текучей и непрерывной. Кроме того, такое «разделение» повседневности выводит за рамки анализа сложные взаимоотношения, переплетение и взаимопроникновение различных видов повседневных практик.

Более полно представлена трудовая деятельность в моделях городского образа жизни, разрабатывавшихся советскими социологами (Межевич, 1986; Быстрова, Евдокимова, Игнатова и др., 1995). В ранних постсоветских работах эти термины («повседневность» и «образ жизни») могли использоваться как синонимы, при всем различии теоретических оснований и методического исследовательского инструментария (Повседневность..., 1999). Однако следует иметь в виду, что если за понятием «повседневность» стоит феноменологическая парадигма, абстрагирующаяся от социоструктурных параметров взаимодействующих индивидов, то понятие «образа жизни» разрабатывалось в русле структурно-функциональной парадигмы, причем в советской социологической традиции — в марксистском варианте этой парадигмы. Вследствие этого положение индивида в системе производства (и, соответственно, его трудовая деятельность) не просто полагалось важным параметром, но являлось отправной точкой при анализе его образа жизни.

В значительной мере интегрирующим эти теоретические течения был адаптационный подход, понимающий адаптацию не только как функцию социальных систем, сколько как индивидуальный (реже групповой) процесс восстановления нарушенного субъект-средового равновесия. В этом подходе, тесно связанном и активно использующем социально-психологические наработки, объединялись изначально целостный характер среды и генерализованной реакции субъекта со структурированием проблемной ситуации, неизбежным выделением факторов стресса и ресурсов его преодоления. Этот подход был особо востребован в условиях резких, масштабных и всеобъемлющих социальных трансформаций, переживаемых населением России в первые постсоветские годы. И исследования адаптации к переменам городского населения, проведенные в те годы, достаточно убедительно продемонстрировали ключевую роль стратегий в сфере занятости для эффективной адаптации (Евдокимова, 2001). Сегодняшняя ситуация также связана с глобальным переформатированием мироустройства, что снова актуализирует этот подход и делает полезным обращение к опыту его использования (Попова, 2025; Бемлер, 2025).

Впрочем, за время относительной стабильности сложился еще один подход — анализ многомерного городского социального пространства, в котором протекает повседневная жизнь городского населения. Этот подход восходит к пониманию социального пространства П. Бурдье (Бурдье, 2007а). При этом подходе различные параметры городской среды (физические, статусно-ролевые, нормативные или социокультурные) выступают координатами этого многомерного пространства. Этот подход предполагает учет целостного характера жизнедеятельности горожан, протекающей одновременно в

разных системах координат (Социальное пространство..., 2018). И при этом поддается заметная роль трудовой деятельности — и в физическом пространстве (место приложения труда), и в статусно-ролевом (профессиональная структура города), и в нормативном (регулирование труда), и в социокультурном (включающем ценности, связанные с трудом).

Крупный город предлагает жителям большое разнообразие рабочих мест, в разных сферах, с разными условиями, разным режимом и разными требованиями к квалификации. При этом, как отмечал еще Парк (Park, Burgess, McKenzie, 1968), именно профессиональный статус становится ядром личной идентичности горожанина, что он считал одной из специфических характеристик города как места проживания в сравнении с селом. При этом престиж профессиональной деятельности оказывается, с одной стороны, характеристикой статусного положения горожанина, а с другой — составной частью его ценностных представлений, включенных в социокультурную среду.

Дискурсы как отражение и механизм формирования социокультурных координат городской повседневности

Индивидуальные ценностные установки горожан соотносятся с принятыми в обществе социокультурными нормами. Медиадискурсы можно рассматривать, с одной стороны, как отражение, а с другой — как важный элемент механизма формирования социокультурных норм, т. е. социокультурных координат городской повседневности. Медиадискурсы представляют информационно-культурную среду жизни городского населения, что позволяет использовать их для выявления искомых координат.

Эта среда представляет собой, выражаясь в терминах П. Бурдье, поле, где разворачивается символическая борьба за «производство и навязывание легитимного видения социального мира» (Бурдье, 2007б: 83). При этом Бурдье отмечает, что важной характеристикой этой символической борьбы является ее «замаскированность», «неузнаваемость» и «незамечаемость» (Бурдье, 2007с).

Еще более жестко это противоречие между символическим насилием дискурса и латентной формой этого насилия характеризует М. Фуко, подробно разбирающий разные формы контроля дискурса (Фуко, 1996).

Таким образом, задача извлечения из медиадискурсов социокультурных координат городского социального пространства наталкивается на препятствия с двух сторон: со стороны дискурса ее затрудняют замаскированные формы символической борьбы, а со стороны повседневных практик населения, проходящих в этих координатах, — рутинность и нерефлексивность этих практик. Тем не менее многочисленность, разнообразие, открытость, публичность медиадискурсов делает их привлекательным исследовательским инструментом.

Множественность медиадискурсов предопределяет разнообразие исследовательских традиций их анализа. Наиболее подробно в социологической и политологической литературе анализируется дискурс власти, представленный в официальных документах и заявлениях официальных лиц (Корниенко, 2020; Синельникова, 2015). Нормативно-правовой дискурс также может рассматриваться как часть дискурса власти, хотя и специфическая, подкрепленная санкциями (Корниенко, 2020).

Дискурс прессы анализируется применительно к разнообразию средств массовой информации — и возможности их ориентации на разные группы населения, разную аудиторию (Алексеева, 2014; Чернявская, 2017). Отдельно можно отметить дискурс специализированных изданий — экспертный и научный. Хотя эти издания не ориентированы непосредственно на население, но в формировании легитимной картины мира в сегодняшнем обществе они играют важную роль (Андрюшина, Григорьева, 2023; Кошкин, 2021).

Художественный дискурс представляет публике разнообразие нарративов, зачастую довольно сложных и всегда эмоционально окрашенных. При этом художественный дискурс не сводится к вербальным знакам, но включает разнообразные аудиовизуальные тексты. И каждый из видов таких художественных текстов представляет свою богатую традицию семантического анализа. Можно упомянуть таких классиков литературоведения, как Бахтин и Лотман, классика искусства Рёскина, классика киноведения Садуляя. Все эти теоретики рассматривали специфические средства художественного воздействия в их влиянии на систему ценностных координат публики. Наиболее детально механизмы воздействия на зрителя изучали психологи Л. С. Выготский (Выготский, 1986) и Р. Арнхейм (Арнхейм, 1960; Арнхейм, 2007), и хотя эти книги создавались в прошлом веке, использованные в них подходы вполне применимы в новых социальных и технологических условиях.

Труд, трудовые отношения, ценности и установки представлены в медиадискурсах, с одной стороны, как важные характеристики личностной идентичности (особенно значимые для городских жителей), а с другой — как одна из ключевых характеристик социума, тесно связанных с экономическим, а следовательно, политическим и идеологическим порядком.

Регулирование занятости как властно-гражданские отношения на локальном (городском) уровне

Трудовая деятельность как часть повседневной жизни привязана к месту, к поселению, являющемуся местом жительства. Развитие дистанционных форм занятости возможно лишь для ограниченного круга занятий и, соответственно, не может охватывать значительную часть населения. И даже эти виды «пространственной свободы» ограничены жесткими инфраструктурными требованиями — электронного оборудования и надежной связи. Большинство же видов занятий должно сопрягаться с рабочими местами, предлагаемыми в конкретном поселении. И, конечно, именно крупный город предлагает своим жителям наиболее широкий выбор рабочих мест на локальном рынке труда.

Регулирование этого рынка, согласование потребностей жителей/работников и запросов работодателей представляет собой довольно сложную задачу для местной власти. От эффективности решения этой задачи в значительной степени зависит качество жизни населения города, поскольку, с одной стороны, функционирование городской экономики является материальным базисом для решения всех городских задач, а с другой, удовлетворенность своим трудом оказывается высоко значимым параметром для удовлетворенности жизни в целом — ключевого субъективного показателя качества жизни населения (Васильева, 2021).

Таким образом, регулирование местной администрацией локального рынка труда можно рассматривать как проявление властно-гражданских отношений, формирующих координаты социального пространства повседневной жизни городского населения. В таком регулировании можно выделить практики — нормативные и административно-организационные решения, задающие правовые и институциональные координаты, а также дискурсы, влияющие на социокультурные координаты повседневной жизни. Конечно, город не является замкнутой системой, он погружен в более широкий дискурсивный и административный контекст общества в целом. Однако именно локальная конфигурация рынка труда придает композиции этих дискурсов и практик специфические черты.

Одной из специфических черт рынка труда такого многофункционального мегаполиса, как Санкт-Петербург, оказывается хронический дефицит квалифицированных промышленных рабочих. Богатый выбор мест труда позволяет работнику быть более требовательным к условиям, содержанию, оплате труда, карьерным перспективам. И в этой ситуации повышается значимость социокультурных параметров, статуса и престижа различных профессий. Эти характеристики претерпевают изменения в ходе социально-экономической и социально-политической трансформации конца XX — начала XXI века. Ниже проводится анализ подходов городской администрации Санкт-Петербурга к решению этой проблемы на разных этапах трансформационного процесса.

Позднесоветский этап (80-е годы XX в.)

За точку отсчета в моем анализе выбран позднесоветский период (80-е годы прошлого века), когда действовали советские нормы и административные практики, но в социокультурном поле шли активные процессы их переосмысливания. И тема труда была представлена довольно противоречиво. С одной стороны, Советский Союз позиционировал себя как государство трудящихся, где реализуется принцип социальной справедливости «от каждого по способностям — каждому по труду» и провозглашался престиж разных видов труда, с демонстрацией в публичном дискурсе разных форм почета и уважения. С другой же, в официальном дискурсе присутствовало понятие «трудовые ресурсы», что, по сути, констатировало приоритет народно-хозяйственных целей перед личностной самореализацией трудящихся.

В Советском Союзе «рабочий класс» был во многом идеологической категорией, а нарратив о его руководящей роли (воплощаемой КПСС как изначально партии рабочих) был одним из мифов официальной пропаганды, очевидное несоответствие которого жизненному опыту большинства населения стало важным фактором недоверия, подрывающего легитимность действовавшей власти.

В художественном дискурсе присутствовали старые советские фильмы, поэтизирующие промышленный труд (самый яркий пример здесь — фильм Г. Александрова «Светлый путь» с замечательной музыкой И. Дунаевского, он снят в 1940 г., но его нередко показывали по телевизору, так что он фактически присутствовал в медиадискурсе горожан 1980-х). Однако фильмы, снятые в более позднее время, представляли промышленных рабочих в проблематизированном контексте. Например, можно вспомнить фильм С. Микаэляна 1982 г. «Влюблен по собственному желанию», особенно сцену,

где герой О. Янковского, трудясь за станком, занят самовнушением, заставляя себя поверить, что его работа — творческая и вдохновляющая. Другой пример такой проблематизации — фильм В. Меньшова «Москва слезам не верит», эпизод, где герой А. Баталова, рабочий, «слесарь с большой буквы С», объясняет дочери своей любимой женщины, что его совсем не прельщает карьерный рост, а вполне устраивает то, чем он занимается.

В правовом поле у советских работников, с одной стороны, был КЗоТ, предоставляющий им довольно широкие права в отношениях с работодателями (право на труд, на отдых, на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, на социальное обеспечение по старости и в случае утраты работоспособности — ст. 2 КЗоТ РСФСР)¹. Но, с другой стороны, в УК РСФСР существовала статья 209 о тунеядстве, криминализирующая уклонение от общественно полезного труда [об истории и правоприменительной практике см.: (Ластовка, 2011)].

Приоритетность работы на крупных промышленных предприятиях подкреплялась также за счет организации многих бытовых условий по производственному (ведомственному) принципу. И прежде всего это касалось обеспечения жильем, улучшения жилищных условий. Но и многие объекты социальной инфраструктуры — такие как детские дошкольные учреждения, медицинские, рекреационные, спортивные учреждения — также предоставляли соответствующие услуги на приоритетной, если не эксклюзивной, основе работникам соответствующих предприятий (Баканов, 2023; Климанов, 2017). Такая система организации многих видов жизнедеятельности вокруг производства наполняла идеологическое понятие трудового коллектива вполне реальными повседневными практиками, включающими в престиж рабочих профессий канал обеспечения реальными потребительскими благами.

В предперестроечном Ленинграде также создавалась система формирования рабочих кадров — система профессионально-технических училищ, сопровождающих профессиональное и общее среднее образование. Ленинград в начале 1970-х гг. был лидером в развитии этой системы, ленинградский опыт анализировался и использовался по всей стране, хотя с сегодняшних позиций он оценивается неоднозначно (Софина, 2010; Плехов, 2011; Кучеренко, 2018).

Для продолжающих обучение в старших классах средней школы были организованы районные учебно-производственные комбинаты, в которых школьники раз в неделю приобретали профессиональные — в основном рабочие — навыки. При этих комбинатах были организованы кабинеты профориентации, где школьникам предлагались соответствующие услуги профессиональных психологов (Тарлавский, Цуканов, 2014).

При этом важным направлением профориентационной работы оставалось доведение до школьников понимания востребованности тех или иных профессий — и прежде всего профессий промышленных рабочих. На повышение престижа рабочих профессий работала также местная пресса, создавая образы активных, креативных, успешных рабочих, порой даже в ущерб престижу инженерно-технических работников (Прищепа, 2021).

¹ Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) (ред. от 10.07.2001, с изм. от 24.01.2002) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/ (дата доступа: 20.11.2005).

Однако всеми этими мерами удавалось в лучшем случае несколько смягчить проблему дефицита рабочих кадров. Важным инструментом восполнения этого дефицита оставалась трудовая миграция, регулирование которой (установление соответствующих лимитов для привлечения иногородней рабочей силы) породило специфическое явление «лимиты» как маргинального социального образования. На престиж рабочих профессий это могло влиять только в сторону снижения.

Постсоветский этап (90-е годы XX в.)

Социально-экономическая трансформация радикально изменила статус наемных работников — они перешли из категории «трудовых ресурсов государства» в категорию «свободных собственников своей рабочей силы». Статья о тунеядстве была отменена, и в стране появилась официальная безработица². Работодатели больше не были представителями государства, и рынок труда стал полноценным. Для регуляции этого рынка была фактически создана Государственная служба занятости, функцией которой и была минимизация диспропорций между кадровыми запросами работодателей и готовностью работников (как квалификационной, так и мотивационной) эти запросы удовлетворить.

Правда, идеологи реформ полагали, что рынок сам минимизирует эти диспропорции, причем более эффективно, чем советские директивные органы. Эффективные производства смогут привлекать нужных квалифицированных специалистов и платить им достойную зарплату, а работники неэффективных производств будут терять работу, что вынудит их менять свою квалификацию на более востребованную. И задача государства — помочь невостребованным работникам пройти этот период с меньшими издержками. Но реальность оказалась сложнее.

В Петербурге 1990-х гг. сфера промышленного производства резко сократилась — часть предприятий прекратили свое существование, другие, сохранившись, значительно сократили объемы производства³. Работники переходили в бурно растущую сферу услуг — прежде всего торговых. Наши исследования того периода показывали, что для рабочих возможности успешной адаптации в большей степени зависели от сочетания внешних по отношению к ним обстоятельств — положения их конкретного предприятия, подразделения, рабочей команды, — чем от их собственных инициатив (Новые потребности..., 2001). Поскольку в этой профессиональной сфере значительную роль играют телесные навыки, которые нарабатываются довольно долго, переквалификация таких работников была сильно затруднена, и при невостребованности они ее просто теряли.

А в художественном дискурсе в роли «героев времени» утверждались рэкетиры (сериал 2002 г. А. Сидорова «Бригада») и валютные проститутки

² Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 25.12.2023) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). URL: <https://sudact.ru/law/zakon-rsfr-ot-19041991-n-1032-1-o/?ysclid=mi9mprbhx2497985335> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Уничтоженная промышленность Санкт-Петербурга. URL: <https://alexey-228.livejournal.com/187923.html> (дата обращения: 20.11.2025).

(фильм 1989 г. П. Тодоровского «Интердевочка»). Ценностью все больше становилась праздность — абсурдной квинтэссенцией этой идеи смотрится финал фильма 1995 г. В. Меньшова «Ширли-мырли», когда все население страны дружно летит отдыхать на Канары.

Смена статуса работников (с трудовых ресурсов на рабочую силу) приводит к тому, что владельцы крупных предприятий избавляются от инфраструктурной нагрузки (жилья, детских садиков, поликлиник) как от непрофильных активов (Магомедова, 2007). Распад ведомственных структур организаций быта приводит во многом и к атомизации работников, их самосознанию как самостоятельных владельцев — и продавцов — своей рабочей силы. И в этом им в 1990-е гг. помогала городская служба занятости, организуя для безработных, наряду с курсами профессиональной переподготовки, занятия по навыкам продажи своей рабочей силы — самопрезентации, анализу рынка труда, маркетинговым приемам собеседования.

Еще одной функцией городской службы занятости было посредничество между работниками и работодателями, информирование их о запросах друг друга. Надо сказать, что работа этой службы была довольно активна — акумуляция данных об имеющихся вакансиях и соискателях, организация ярмарок вакансий, развитие системы переподготовки, стимулирование создания рабочих мест, даже проведение исследований в этой сфере и содействие в открытии бизнеса. Если оценивать эту деятельность по статистическим показателям безработицы, ее следует признать вполне успешной — безработица в городе редко превышала 10 %, при этом число вакансий превышало число потенциальных соискателей, что характеризует напряженность рынка труда как низкую⁴. Но диспропорции спроса и предложения на рынке труда Санкт-Петербурга в этот период усилились, причем в значительной мере эта диспропорция затрагивала именно квалифицированных рабочих.

Во-первых, сохранившиеся промышленные предприятия для успешной работы нуждались не просто в квалифицированных рабочих, а в рабочих очень высокой, уникальной квалификации. И именно в таких рабочих сохранялся дефицит, поскольку требовались навыки высоко специальные. Поэтому некоторые предприятия в тот период могли предлагать очень высокие зарплаты, но все равно испытывали проблемы с нехваткой нужных специалистов.

Во-вторых, узкие специалисты, потерявшие работу и не могущие найти применение своей квалификации, довольно быстро депрофессионализировались и таким образом выпадали из рынка квалифицированного труда.

И, в-третьих, оказалось, что квалифицированные рабочие нужны не только на (деградирующих) промышленных предприятиях, но и в бурно развивающихся сферах — транспорте, логистике, ЖКХ, ремонте и других сферах. Так что часть рабочих (достаточно универсальных), высвобожденных за счет закрытия неэффективных предприятий, быстро оказались занятыми, и дефицит квалифицированных рабочих кадров сохранился и продолжил нарастать.

⁴ Рынок труда Санкт-Петербурга в 1992—2015 гг. URL: https://ktzn.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/11/20/Исторический_анализ.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

Этот дефицит усугублялся трудностями, которые испытывала система профессионально-технических образований. Именно на ней падение престижа рабочих профессий сказалось наиболее разрушительно. И рыночные механизмы компенсировать это не могут, поскольку высокая оплата в этом виде занятости предполагает длительную наработку навыков, т. е. выпускники таких учебных заведений могут на нее рассчитывать через весьма продолжительное время, а такой крупный мегаполис, как Санкт-Петербург, предлагает молодым жителям, стоящим перед выбором профессии, множество более коротких и легких вариантов.

Поэтому вполне логично, что среди задач, стоящих перед городской службой занятости, фигурировала и задача повышения престижа рабочих профессий⁵. При этом возможности реализации этой задачи у городской администрации того периода были крайне ограниченные.

Новые тенденции в сфере занятости

Сущность сегодняшнего этапа социальной трансформации нуждается в осмыслении, хотя его масштабность не подлежит сомнению. На данный момент можно наметить некоторые тенденции, меняющие социоструктурные и социокультурные координаты городского социального пространства.

Во-первых, это отмечаемая многими специалистами нарастающая прекаризация занятости (Долженко, 2016; Сизова, 2015). Это глобальная тенденция, следующая из гибкости производства, приспособливающегося к быстро меняющимся запросам рынка. Но, вынуждая человека менять свою профессиональную траекторию, эта тенденция проблематизирует саму профессию как устойчивую характеристику человека. Причем длительное формирование навыков, характерное для рабочих профессий, делает этих людей особенно уязвимыми для этой тенденции. Прекаризация меняет темпоральные координаты городского пространства и его социоструктурные параметры.

Другая наблюдаемая и активно обсуждаемая тенденция — это цифровизация всех областей жизни и активное развитие платформенной занятости (Капелюшников, Зинченко, 2025). Эта тенденция меняет пространственное представление о локализации рабочего места, поскольку менеджерские функции в этих видах занятости экстерриториальны, но сама работа может быть как дистантна (и тогда она привязана к локации работника), так и требовать физического контакта с клиентом или его материальными артефактами. Это типично крупногородской вид занятости, поскольку предполагает расположение клиентов и работников в радиусе повседневной доступности.

Тенденция платформенной занятости разрушает понятие трудового коллектива и связанных с ним социальных гарантит. Однако в этой форме занятости может присутствовать персонификация в виде обращения за услугой к определенному мастеру, что включает механизмы формирования и поддержания профессиональной репутации. Таким образом, влияние этой тенденции на социокультурные параметры трудовой сферы можно считать довольно противоречивым.

⁵ Профессиональная ориентация. Санкт-Петербургский портал по профессиональному ориентации граждан. URL: <https://pkp.r21.spb.ru/about/> (дата обращения: 20.11.2025).

Наконец, еще одна тенденция связана с радикальной трансформацией (приближающейся к демонтажу) системы международного разделения труда и, как следствие, — реиндустриализацией в странах, казалось бы, уверенно перешедших к постиндустриальной экономике услуг (Пахомова, 2016). И эта тенденция выводит все проблемы, связанные с дефицитом рабочих кадров, снова на первый план.

Но в новых условиях для решения этой проблемы могут быть найдены как материальные (например, улучшение качества рабочих мест за счет автоматизации производства), так и символические ресурсы. Хотя исход символической борьбы предсказать сложно, но можно ожидать, что ход этой борьбы предоставит новый материал для анализа социокультурных координат городской повседневности.

Выводы и заключение

Рассматривая трудовую деятельность горожан как часть их повседневной жизни, мы выделяем различные координаты многомерного городского социального пространства, релевантные этой деятельности. Трудовая деятельность протекает одновременно в физическом пространстве (место приложения труда), социально-структурном (социально-профессиональный статус жителя), нормативно-правовом и социокультурном пространстве (трудовые установки и престиж профессии).

Процессы социально-экономической трансформации сопровождаются изменениями координат городского социального пространства, релевантных трудовой деятельности, прежде всего таких социально-культурных параметров, как престиж различных видов труда, что находит отражение в публичных дискурсах.

Характерной чертой локального рынка труда Санкт-Петербурга как крупного многофункционального мегаполиса является хронический дефицит квалифицированных рабочих. С этой проблемой сталкивается любая городская администрация при регулировании сферы занятости, причем одним из необходимых условий решения этой проблемы видится необходимость повышения престижа рабочих профессий. Однако, как показал проведенный анализ, эта задача требует учета многих факторов, действующих как на уровне города, так и в более широком экономическом, политическом и культурном контексте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Е. А. Дискурсные особенности текстов СМИ: публичность и достоверность // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 6: Журналистика. С. 124—129.

Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С. Актуальное состояние научно-экспертного дискурса о тенденциях развития российской высшей школы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 4. С. 473—482.

Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие: пер. с англ. М.: Архитектура-С, 2007.

Арнхейм Р. Кино как искусство / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

Баканов С. А. Социальная инфраструктура советских предприятий в 1950—1980-е годы: источники и механизмы финансирования (на примере Челябинского тракторного завода) // Научный диалог. 2023. № 12(8). С. 413—437.

Бемлер Е. С. Взросłość w эпоху нестабильности: вызовы и возможности // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 125—134.

Бурдье П. О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007с. С. 87—96.

Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007б. С. 64—87.

Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» / пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007а. С. 14—48.

Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С. и др. Стратегия выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2. С. 143—178.

Васильева О. В. Измерение качества жизни населения: субъективный и объективный подходы // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 4(43). С. 65—80.

Выготский Л. С. Психология искусства. Изд. 3-е. М.: Искусство, 1986.

Долженко Р. А. Понятие и сущность прекаризации, а также основные направления ее исследования // Известия ВУЗов ЭФиУП. 2016. № 4(30). С. 28—36.

Евдокимова Е. От советской интеллигенции к российскому среднему классу (формирование группы профессионалов как результат адаптации квалифицированных специалистов) // Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / отв. ред. И. И. Травин. СПб.: Норма, 2001. С. 245—267.

Капельюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107—129.

Климанов А. Ю. Из советской истории развития социальной инфраструктуры машиностроительных предприятий во второй половине 1960-х — 1970-е гг. (на примере Станкозавода имени Серго Орджоникидзе) // Экономическая история. 2017. Т. 13. № 4. С. 59—75.

Корниенко А. В. Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом // Политическая лингвистика. 2020. № 6. С. 53—66.

Кошкин П. Г. Экспертный и журналистский дискурсы вокруг второй космической гонки между Россией, США и другими странами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 313—333.

Кучеренко М. М. Некоторые проблемы трудовых ресурсов СССР в 70-е годы. 2018. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/> (дата обращения: 20.11.2025).

Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961—1991): Юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 212—229.

Магомедова П. И. Современные особенности социальной инфраструктуры предприятий // Вопросы структуризации экономики. 2007. № 3. С. 37—40.

Межевич М. Н. Сущность и проблемы формирования городского образа жизни // Социальная инфраструктура и уровень жизни населения крупного города / под ред. Л. А. Григорьевой, В. А. Сухина, Ю. И. Цымлякова. Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 27—40.

Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / отв. ред. И. И. Травин. СПб.: Норма, 2001.

Пахомова И. А. Природа понятия, сущность и условия реиндустриализации в России на современном этапе // Вестник магистратуры. 2016. № 8-1 (59). С. 96—99.

- Плехов А. Е. Развитие системы профессионально-технического образования в Ленинграде в первой половине 1970-х гг. // Власть. 2011. № 5. С. 88—91.
- Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев / отв. ред. И. И. Травин, Ю. Симпуря. СПб.: Европейский дом, 1999.
- Попова Е. С. Профессиональное образование как ресурс адаптации молодежи: динамика восприятия // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 65—79.
- Прищепа А. С. К вопросу о пропаганде престижа рабочей профессии и отношении к ИТР в Ленинграде в 1970-х гг. (на материалах периодической печати г. Ленинграда) // Ученые записки НовГУ. 2021. № 2(35). С. 179—182.
- Пушкирева Н. Л. Изучение научного сообщества методами этнографии: значимость гендерного подхода // Gumilyov Journal of History. 2020. № 4 (133). С. 100—116.
- Сизова И. Л. Прекаризация в трудовой сфере России // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 122—158.
- Синельникова Л. Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 10—15.
- Софина Г. И. Развитие системы профессионально-технического образования в Ленинграде и Ленинградской области во второй половине XX в. (опыт исторического исследования) // Власть. 2010. № 8. С. 125—127.
- Социальное пространство большого города / под ред. Г. В. Еремичевой. СПб.: СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 2018.
- Тарлавский В. И., Цуканов Е. А. Становление и развитие профессиональной ориентации: обзор отечественного опыта // Перспективы науки и образования. 2014. № 2(8). С. 63—69.
- Фуко М. Порядок дискурса // Фуко. М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47—96
- Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпсной лингвистике // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2017. № 50. С. 135—148.
- Янин К. Д. Структура городской повседневности // Социология города. 2024. № 4. С. 17—22.
- Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City: suggestion for the investigation of human behavior in the urban environment // The City. Published 1925. Fifth Impression. Chicago: The University of Chicago Press, 1968.

Research Article

Elena P. Evdokimova✉

Research Associate of the Department of Social Urbanistics, Sociological Institute of the RAS — a branch of the FNISC RAS. 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya st., 190005, Saint Petersburg, Russia;
e-mail: ee34@yandex.ru

EMPLOYMENT IN A LARGE CITY: DISCOURSES AND REGULATORY PRACTICES

Abstract. The article considers labor activity as a part of the everyday life of the population of a large city, taking place in a multidimensional urban social space. A retrospective analysis and reinterpretation of the development of employment in St. Petersburg

in the late Soviet and post-Soviet periods in the socio-cultural coordinates of everyday life is carried out. Media discourses and practices of regulating the local labor market are considered from the point of view of their impact on the socio-structural and socio-cultural parameters of the urban population. The chronic imbalance in the structure of jobs and the demands of workers is manifested in St. Petersburg in an acute shortage of skilled industrial workers. An important factor in this shortage is the low prestige of working professions in a multifunctional metropolis, which prevents young citizens from choosing such professional trajectories. The need to increase this prestige turns out to be the leitmotif of power discourse, regardless of political and ideological transformations in the city, country and the world. The global trend of reindustrialization, associated with the reformatting of the global system of division of labor, gives special relevance to this problem. At the same time, the prospect of solving it depends on the efficiency of using available resources (both material and symbolic) at the level of a particular city.

Key words: urban everyday life, urban way of life, socio-cultural coordinates, media discourse, employment, symbolic struggle.

For citation: Evdokimova E. P. (2025) Employment in a large city: discourses and regulatory practices. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 4, pp. 34—49 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2025_4_34

REFERENCES

- Alekseeva E. A. (2014) Discursive features of media texts: publicity and authenticity. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istorija, filologija* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 13, no. 6, Journalism, pp. 124—129 (in Russian).
- Andrjushina E. V., Grigor'eva N. S. (2023) The current state of scientific and expert discourse on the development trends of Russian higher education. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population of Russian Regions], vol. 19, no. 4, pp. 473—482 (in Russian).
- Arnheim R. (1932) Film als Kunst. Berlin: Ernst Rowohlt. Neuauflagen.
- Arnheim R. (1954) Art and Visual Perception: A Psychology of the Creative Eye. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Bakanov S. A. (2023) Social infrastructure of Soviet enterprises in the 1950s — 1980s: sources and mechanisms of financing (on the example of the Chelyabinsk Tractor Plant). *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 12, pp. 413—437 (in Russian).
- Bemler E. S. (2025) Adulthood in an era of instability: challenges and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 7, pp. 125—134 (in Russian).
- Bourdieu P. (1977) Sur le pouvoir symbolique. *Annales. Economie. Société. Civilisations*, no. 3, pp. 405—411.
- Bourdieu P. (1987) Espace social et pouvoir symbolique, mars 1986. *Choses dites*. Paris, Minuit, pp. 147—166.
- Bourdieu P. (1984) Espace social et genèse des «classes». *Actes de la recherche en sciences sociales*, no. 52-53, pp. 3—14.
- Bystrova A., Evdokimova E., Ignatova S. et al. (1995) Population survival strategy in changing conditions. *Mir Rossii* [Univers of Russia], no. 2, pp. 143—178 (in Russian).
- Chernjavskaja V. E. (2017) Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Filologija* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 50, pp. 135—148 (in Russian).
- Dolzhenko R. A. (2016) The concept and essence of precari zation, as well as the main directions of its research. *Izvestiya VUZov EFiUP* [News of higher educational institutions. The series “Economics, Finance and production management”], no. 4, pp. 28—36 (in Russian).

- Eremicheva G. V. (ed.) (2018) *Sotsial'noe prostranstvo bol'shogo goroda* [The social space of a big city]. Saint Petersburg: SI RAN — filial FNISC RAN (in Russian).
- Evdokimova E. (2001) From the Soviet intelligentsia to the Russian middle class (formation of a group of professionals as a result of the adaptation of qualified specialists). *Novye potrebnosti i novye riski: real'nost' 90-h godov* [New needs and new risks: the reality of the 90s]. Saint Petersburg: Norma. Pp. 245—267 (in Russian).
- Foucault M. (1971) L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard.
- Kapeljushnikov R. I., Zinchenko D. I. (2025) Digital forms of employment in the Russian labor market. Part II: Platform employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 1, pp. 107—129 (in Russian).
- Klimanov A. Ju. (2017) From the Soviet history of the development of the social infrastructure of machine-building enterprises in the second half of the 1960s — 1970s (using the example of the Sergo Ordzhonikidze Machine Tool Factory). *Ekonomicheskaya istoriya* [Russian Journal of Economic History], vol. 13, no 4. pp. 59—75 (in Russian).
- Kornienko A. V. (2020) Features of the policy-making discourse of the St. Petersburg authorities caused by the coronavirus. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 6, pp. 53—66 (in Russian).
- Koshkin P. G. (2021) Expert and journalistic discourses around the second space race between Russia, the USA and other countries. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], vol. 14, no. 3, pp. 313—333 (in Russian).
- Kucherenko M. M. (2018) *Some problems of the labor resources of the USSR in the 70s*. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/> (accessed: 20.11.2025) (in Russian).
- Lastovka T. (2011) Parasitism in the USSR (1961—1991): Legal theory and social practice. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], no. 14, pp. 212—229 (in Russian).
- Magomedova P. I. (2007) Modern features of the social infrastructure of enterprises. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Issues of economic structuring], no. 3, pp. 37—40 (in Russian).
- Mezhevich M. N. (1986) The essence and problems of urban way of life formation. *Sotsial'naya infrastruktura i uroven' zhizni naseleniya kryupnogo goroda* [Social infrastructure and standard of living of the population of a large city]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. Pp. 27—40 (in Russian).
- Pahomova I. A. (2016) The nature of the concept, the essence and conditions of reindustrialization in Russia at the present stage. *Vestnik magistratury* [Vestnik Magistratury], no 8-1, pp. 96—99 (in Russian).
- Park R. E. (1968) The City: suggestion for the investigation of human behavior in the urban environment. In: *The City* (Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. eds.) Published 1925. Fifth Impression. Chicago: The University of Chicago Press.
- Plehov A. E. (2011) The development of the vocational education system in Leningrad in the first half of the 1970s. *Vlast'* [Power], no. 5, pp. 88—91 (in Russian).
- Popova E. S. (2025) Vocational education as a resource for youth adaptation: dynamics of perception. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10, pp. 65—79 (in Russian).
- Prishhepa A. S. (2021) On the issue of promoting the prestige of the working profession and the attitude towards IT in Leningrad in the 1970s (based on the materials of the Leningrad periodical press). *Uchenye zapiski NovGU* [Memoirs of NovSU], no. 2, pp. 179—182 (in Russian).
- Pushkareva N. L. (2020) Studying the scientific community using ethnological methods: the importance of a gender approach. *Gumil'ev Journal of History*, no. 4, pp. 100—116 (in Russian).
- Sinel'nikova L. N. (2015) The Discourse of power: from legitimization to manipulation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific

tific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], vol. 1, no. 4, pp. 10–15 (in Russian).

Sizova I. L. (2015) Precarization in the Russian labor sector. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today], no. 6, pp. 122–158 (in Russian).

Sofina G. I. (2010) The development of the vocational education system in Leningrad and the Leningrad region in the second half of the Twentieth century (historical research experience). *Vlast'* [Power], no. 8, pp. 125–127 (in Russian).

Tarlavskij V. I., Cukanov E. A. (2014) Formation and development of professional orientation: a review of domestic experience. *Perspektiry nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], no. 2, pp. 63–69 (in Russian).

Travin I. I. (ed.) (2001) *Novye potrebnosti i novye riski: real'nost' 90-kh godov* [New needs and new risks: the reality of the 90s]. Saint Petersburg: Norma (in Russian).

Travin I. I., Simpura Ju. (eds.) (1999) *Povsednevnost' serediny 90-kh godov glazami piterburžtsev* [Everyday life in the mid-90s through the eyes of Petersburgers]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom (in Russian).

Vasil'eva O. V. (2021) Measuring the quality of life of the population: subjective and objective approaches. *Vektorы blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* [Journal of Wellbeing Technologies], no. 4, pp. 65–80 (in Russian).

Vygotskij L. S. (1986) *Filosofiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Yanin K. D. (2024) The structure of urban everyday life. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no 4, pp. 17–22 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.11.2025

Received 23.11.2025

Принята в печать 03.12.2025

Accepted for publication 03.12.2025